

С. ЛУНИНА

Древние
города
в долине
Кашкадарьи

Фигурная вымостка полов в жилом доме на Алтынтепе.

С.ЛУНИНА

**Древние
города
в долине
Кашкадарьи**

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
1988

В книге в популярной форме рассказывается о древних городах и сельских поселениях одного из районов Узбекистана — Кашкадарьинского оазиса, кратко излагается история их возникновения, описываются трудные поиски одного из средневековых городов, известного в письменных источниках под названием Наукад-Курейш. Благодаря археологическим работам выявлен своеобразный характер культуры района, открыты замечательные творения древних мастеров, охарактеризованы занятия жителей городов и поселений.

В книге повествуется о сложной и увлекательной работе археологов. Приводятся интересные примеры содружества ученых и местного населения в изучении памятников.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым Узбекистана.

Одобрено Ученым советом Института археологии АН УзССР

Рецензенты: член-корреспондент АН УзССР,
профессор Г. А. Пугаченкова,
доктор искусствоведения Л. Ю. Маньковская

Издано по заказу Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана, 1988 г.

Еще совсем недавно долина Кашкадарьи оставалась одним из «белых пятен» на археологической карте Узбекистана. Но из года в год накапливались сведения о сохранившихся здесь многочисленных исторических и археологических памятниках, а особенно «урожайными» в этом отношении являются последние годы, когда поиски памятников стали целенаправленными, когда на многих из них развернулись широкие раскопочные работы. Это стало возможным и необходимым, в частности, в связи с составлением подробной археологической карты Узбекистана, в работу над которой включились Институт археологии Академии наук Узбекской ССР, Институт искусствознания, Ташкентский государственный университет, музеи, Республиканское общество охраны памятников истории и культуры и его отделения на местах.

Кашкадарьинская область оказалась чрезвычайно насыщенной археологическими памятниками.

Долина реки Кашкадарьи осваивалась человеком с глубокой древности. Начальные этапы этого освоения еще не совсем ясны, хотя в низовьях Кашкадарьи найдены памятники, относящиеся еще к эпохе бронзы, то есть, во всяком случае, ко второму тысячелетию до нашей эры. А вот в конце эпохи бронзы — начале эпохи железа, или, как называют историки этот период, в пору «раннего железа», здесь уже появляются земледельческие племена. Сначала эти племена осваивали предгорные районы, а затем спустились и на равнину. Памятники VIII—VI в. в. до н. э. найдены в предгорьях

Яккабагского хребта, но остатки, связанные с этим периодом, зафиксированы и близ берега Кашкадарьи. В последние же века до нашей эры и в первые века нашей эры осваивалась уже значительная территория и сложились два основных оазиса — в западной и восточной части долины, появились первые крупные города. В последующий период практически заселяется вся площадь долины. Поселения возникают не только по берегам рек, ручьев, по саям, но иногда и вдали от водных источников, что предполагает наличие широко развитой системы искусственного орошения.

В V—VIII вв. возникают различного типа поселения — города, сельские поселения, усадьбы, феодальные замки. Количество городов остается небольшим и, кроме того, они, возможно, переживают упадок, связанный с переходом к новой формации — феодализму, а затем и в связи с арабским завоеванием. В IX—XII вв. феодализм вступает в новый этап своего развития. В долине Кашкадарьи, так же как и в других земледельческих районах Средней Азии, развивается экономика, денежное обращение, торговля. Способствует этим процессам и вхождение Кашкадарьинского оазиса в состав крупных государств — сначала Тахиридов, затем Саманидского и Караханидского. Развитие феодализма сопровождается развитием городской жизни. Какими были города этого района, чем занимались их жители, каков был облик их культуры, до недавнего времени не было известно.

В предлагаемой вниманию читателей книжке мы и попытаемся рассказать об археологическом изучении некоторых средневековых городов Кашкадарьинского оазиса. В письменных источниках сохранились крупницы сведений о некоторых из них. И лишь археологические работы позволяют получить конкретное представление о количестве городов, их планировке, составных частях, ремесленном производстве, архитектуре общественных

сооружений и жилых домов, культуре и быте городско-го населения. Такие работы включают и поиски развалин, которые уже по внешнему виду позволяют видеть в них остатки городов, и разведочное первичное обследование, и, наконец, раскопочные работы. Именно основываясь на работах археологов в долине Кашкадарьи, мы и строим свой рассказ. Вполне естественно, что более подробно мы остановимся на результатах работ Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного университета, которая уже на протяжении более 20 лет проводит здесь свои работы. Участником этих работ постоянно являлся автор.

Одной из задач экспедиции были поиски остатков средневековых городов и поселений и их изучение.

ДОЛИНА КАШКАДАРЬИ

Кашкадарьинский оазис расположен на юге Узбекистана. В длину он вытянут почти на 300 км. И примерно такую же длину имеет главная водная артерия оазиса — река Кашкадарья, бассейн которой вместе с ее притоками является, как и в древности, основным земледельческим районом области. Кашкадарья была древним притоком Зарафшана и до XII века периодически впадала в него.

Природные условия оазиса очень разнообразны — здесь и высокие горные хребты, и предгорья и пространства равнин с плодородными почвами, степи и пески. Долину ограничивают Зеравшанский и Гиссарский хребты. В северо-западной своей части оазис смыкается с долиной Зарафшана.

В древности долины Зарафшана и Кашкадарьи составляли единую историко-культурную область — Согд, чаще всего эти территории оказывались и в составе одних государственных объединений. Были все же и некоторые различия в характере происходивших здесь

исторических событий, в экономике, хозяйстве, облике материальной культуры. Некоторые из них диктовались географическими особенностями — например, маловодностью реки Кашкадарья, климатическими условиями, другие, например, тем, что здесь находили отличные пастбища кочевники, и потому многие столетия история этого района была связана с разными их группами, появлявшимися и оказывавшими влияние на развитие земледельческой культуры в этом районе и на облик культуры материальной.

Исторически сложилось разделение на два историко-культурных района, получивших в средние века названия Несеф (западный район, район современного Каршинского оазиса) и Кеш (восточный район, современный Китабо-Шахрисабзский оазис).

В пору, которую у историков принято именовать порой развитого средневековья (VIII—XV вв.), в долине Кашкадарья развивалось земледельческое хозяйство (земледелие было как поливное, так и неполивное, богарное), виноградарство, бахчеводство, садоводство, в горах шла добыча полезных ископаемых (железо, свинец, соль, глины и пр.), через нее проходило несколько торговых путей, связывавших, например, Балх и Бухару, Термез и Бухару, шедших на Самарканд, не говоря о торговых путях, связывавших города внутри самой области, что, безусловно, оказало немалое влияние на ее развитие.

Судя по археологическим данным и по сведениям письменных источников, область располагала большим количеством селений. Особенно важным является вопрос о развитии здесь городской жизни и локализации городов. Источники упоминают ряд городов: для нижней части долины Кашкадарья — Несеф, Касба, Бездава, для средней и южной части — Субах, Искифагн и Наукад-Курейш и для верхней — Кеш. Работами М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой, Н. И. Крашенинниковой уста-

новлено, что раннесредневековый Кеш находился на месте современного Китаба, а город поры развитого средневековья — на месте Шахрисабза. Усилиями ряда исследователей доказано, что Несефу соответствует находящееся недалеко от Карши городище Шуллюктепе, Бездаве — городище Куняфазли, развалины Кесбы находятся близ кишлака Каспи, определено бывшее местонахождение Субаха, Искифагна, хотя раскопочные работы здесь не проводились

Исследователями установлено, что главным городом оазиса, расположенного в IX—XII вв. в нижней части Кашкадарьи, был Несеф, занимавший площадь около 100 гектаров. Сначала здесь отстраивается замок V—VI вв., вокруг которого постепенно разрастается поселение, а затем возникает крупный город, состоявший из трех частей — цитадели, шахристана (собственно города) и пригорода — рабада. Арабские географы ал-Истахри и ал-Макдиси сообщают, что река (имеется в виду Кашкадарья) пересекала город на две части, что у города было четверо ворот — Неджарийские, Самаркандские, Кешские и Губдинские, что в центральной части города у моста находились дворец правителя и тюрьма, у южных ворот — соборная мечеть, рассказывается и о базарах.

Сохранились в письменных источниках и сведения о городе Кеше, его составных частях, о том, что постройки в нем были из глины и дерева, о четырех воротах основной части города и о том, что в большинстве домов есть проточная вода и прекрасные сады. Сведения эти очень лаконичны, но по ним можно все же получить хотя бы самое общее представление об этих городах. Другие города упомянуты лишь по названиям, а некоторые, видимо, и вообще не попали в поле зрения средневековых авторов. Между тем вопрос о количестве городов, их роли, занимаемой ими площади, характере занятий населения имеет первостепенную важность, являясь од-

ним из показателей уровня развития общества, его экономики, характера связи города и деревни. Поэтому археологическое изучение городов и поселений долины Кашкадарьи является одним из важнейших источников по истории региона.

ПОИСКИ НАУКАД-КУРЕЙША

В плену раздумий на краю равнины,
Где тени бродят и блуждают джиинны,
Разрушенных когда-то городов
Я воскрешаю мысленно руины.

Ж. Мамытов

Наши поиски древних городов, связанные с их последующим изучением, были сосредоточены в основном в средней и восточной части долины.

Чрезвычайно интересным, важным, но одновременно, как правило, и очень трудным, является в археологии вопрос отождествления известного по источникам города с сохранившимися древними развалинами. Встал этот вопрос и в отношении Наукад-Курейша. Но сначала несколько слов о самом названии города.

Названия типа «наукад», «невкет», «наукат» («новое селение», «новый город») до сих пор очень широко распространены в Средней Азии. Крупнейший ученый-востоковед В. В. Бартольд писал, что прибавление слова «курейш» к названию данного города предполагает, что здесь в первые века ислама была колония арабов — корейшитов. Племя курейш (корейш) было одним из арабских племен, представители которого в основном проживали в Мекке и занимались более всего торговлей и ростовщичеством. Считается, что в экономическом и общественном развитии оно зашло дальше других племен. По преданию, из этого племени происходил и пророк ислама Мухаммед. Известно, что племя это приняло активное участие в завоевательных походах арабов. Вряд

ли арабы основали здесь новый город, все данные говорят за то, что они нашли здесь уже сложившееся поселение, а обосновавшись, дали ему новое название. Поселение постепенно разрасталось в крупный средневековый город. Где он находился?

Наукад-Курейш был не только крупным городом, но и несомненно, одним из остановочных пунктов на торговом пути из Несефа в Кеш. Именно расстояния по отношению к этим пунктам и даются для этого города средневековыми авторами. Так, Истахри пишет, что Наукад-Курейш находился на дороге из Кеша в Несеф на расстоянии 5 фарсахов от Кеша, по Самани — на расстоянии 6 фарсахов от Несефа (один фарсах равнялся примерно 6—8 км). Еще В. В. Бартольд считал, что он мог быть на месте нынешнего селения Карабаг. Однако это предположение следовало проверить.

В районе, где примерно мог находиться город, были проведены тщательные археологические разведки.

Было восстановлено возможное направление пути между двумя столичными городами, как бы отмеченное остатками расположенных по нему городов и селений. Частично оно совпадает с направлением современной дороги (например на участке Карши — Чим), частично идет по-иному. Так как источники указывали примерно на середину расстояния между городами, то именно в этом районе были предприняты поиски крупных развалин, которые могли соответствовать средневековому городу. Особое внимание привлекли городища, носящие ныне названия Алтынтепе и Камайтепе. Оба они уже на поверхности дают обильный материал поры развитого средневековья, оба имеют интересную планировку, большие размеры, следы ремесленных производств, в обоих на первый взгляд можно было усматривать остатки средневековых городов. Однако, судя по историческим сведениям, приведенные в источниках расстояния более подходили к Алтынтепе. Кроме этого, было про-

ведено археологическое изучение обоих городищ, их сравнительное сопоставление в самых разных планах, что позволило прийти к выводу о возможной правоте В. В. Бартольда, хотя сам он в этих местах не бывал и определил местонахождение города по карте. Алтынтепе находится рядом с селением Карабаг. Так это и есть древний Наукад-Курейш? Молчат развалины. Нам хочется вернуть им былое имя. Мы почти уверены в том, что оно принадлежит именно этому городу, но... Вот об этом «но» нельзя не сказать. Дело в том, что земли Наукад-Курейш упоминаются в более поздних источниках, в частности в документе XV в. Можно думать, что именно здесь был расположен и одноименный древний город. Но географических указаний на место расположения этих земель в документе очень мало. Упоминаемые в нем названия соседних областей до наших дней не сохранились. Из текста ясно лишь, что земли эти размещались в области Кеш, в пойме реки Сурхоб.

Название реки Сурхоб переводится как «красная вода». Работавшая над источниками востоковед О. Д. Чехович считает, что ныне эта река носит название Кызылдарьи («красной реки»), а следовательно, земли Наукад-Курейш должны были располагаться в бассейне этой реки. Поэтому археолог А. С. Сагдуллаев предлагает искать Наукад-Курейш южнее, полагая, что здесь также мог проходить один из путей, связывавших Кеш и Несеф. Но Кызылдарьей именуется на современных картах не только одноименная река, носящая еще и название Яккабагдарьи, но и проток, проходящий вблизи Карабага и Алтынтепе. Не исключено, что он в древности именовался Сурхобом. Вот какие сложности встают перед исследователями при отождествлении древних городов. Очевидно, надо искать новые доказательства и для отождествления Наукад-Курейша.

И все-таки главное не в этом. В результате многолетних раскопок, а они ведутся на Алтынтепе ежегодно

начиная с 1969 г., перед нами все более интересно и разносторонне вставал древний город долины Кашкадарьи — один из важных памятников истории нашей республики в средние века.

Городище Алтынтепе расположено на окраине кишлака Каучин близ селения Карабаг на землях совхоза «Карабаг» Камашинского района. На большой площади здесь видно множество больших и малых бугров. У местного населения они носят разные названия. Название Алтынтепе носит высокий (до 12 м высотой) центральный бугор размером 160×160 м и прилегающие к нему вытянутые в длину на расстояние до 800 м всхолмления. К сожалению, когда археологи впервые попали сюда, значительная часть городища уже была распашана, к тому же через его территорию был прорыт глубокий канал. Естественно, все это никак не помогало в восстановлении былой планировки. Ялпактепе или Шохидтепе — такие названия даны расположенному неподалеку больших размеров бугру. Недалеко находится и Сигиртепе, высокий, отдельно стоящий бугор. На Сигиртепе уже начаты раскопки, вскрывшие остатки монументального сооружения с помещениями, перекрытыми сводами, мощными стенами — видимо, это развалины раннесредневекового феодального замка.

Интересны бытующие у местного населения легенды об Алтынтепе, в частности те, в которых делается попытка объяснить происхождение названия развалин. Согласно одной из них, у правителя области была дочь необыкновенной красоты, к которой сватались многие, в том числе и правитель соседней области. Отец поставил условие: руку его дочери получит тот, кто победит врага в предстоящем сражении и построит для своей будущей жены дворец из чистого золота. Третье условие поставила сама невеста — тот, кто добивается ее руки, должен вырыть в горах глубокую пещеру, где она будет жить, если переживет супруга. Нашелся рыцарь,

который выполнил все три условия — это и был правитель соседней области. Свадьба состоялась, но муж действительно вскоре погиб и тогда красавица, оставив свой золотой замок, удалилась в горы. Так поэтично объясняет легенда название городища «Алтын» — «золотой». Согласно другой версии, крепость была названа в честь женщины — правительницы, которая ею некогда владела и имя которой было Алтын. Очень важно при этом, что легенды говорят именно о большом городе и возвышавшейся посреди него крепости, настолько высокой, что ее было видно из Бухары. Легенда есть легенда. Не было видно нашу крепость из Бухары, и не было здесь никаких золотых замков. И все же для археологов городище действительно оказалось «золотым» в смысле своей значимости для науки, масштабным и интересным.

Уже при первых посещениях городища стало ясно, что основной период обживания его падает на X — XII вв. Об этом говорили сборы подъемного (то есть собранного с поверхности городища) материала, керамика, монеты; в обрезах канала хорошо видны были остатки стен из сырцовых и жженных кирпичей, слои строительных остатков, золы, отбросов мусора, остатки очагов — все то, что у археологов входит в понятие культурного слоя.

В связи с распашкой значительной части памятника сейчас трудно сказать, была ли обнесена вся его территория стеной, но первоначальное поселение, сложившееся на площади будущей цитадели, было обведено стеной. Стена сложена из пахсы, ширина ее свыше 3 м. Впоследствии стена отстраивалась заново, в частности в VII—VIII вв. ее строят из крупных сырцовых кирпичей, в IX—X вв. перестраивают и ремонтируют. Позднее стена, очевидно, теряет свое значение. Важно, что до X века цитадель складывающегося города была укреплена.

Впрочем, мы рано употребили слово «город». То, что

Алтынтепе было в древности именно городом еще предстоит доказать. Известный историк и археолог В. М. Массон дал следующее определение города: «Древние города могут быть определены, как крупные пункты, места концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющие особые регулятивные, ремесленные и торговые функции». Советские историки при этом подчеркивают прежде всего, что город должен был иметь развитое ремесленное производство, причем продукты ремесла изготовлялись не только для внутреннего потребления, но и на рынок. В этом было его основное отличие от деревни, сельского поселения.

ИСКУСНЫЕ МАСТЕРА

Гудит, как шмель,
Гончарный круг,
Кувшин
Рождается
Не вдруг...

В. Лившиц

Дать Алтынтепе «статус» города значит прежде всего доказать достаточно высокий уровень развития в нем ремесленного производства. Шлаки, бракованные изделия встречались и на поверхности, но этого мало. Обследование холмов вокруг центрального бугра, в окрестностях городища, приводит нас на распаханый участок, поверхность которого сплошь покрыта шлаками, спекшимися в процессе обжига кирпичами, видны стенки разрушенных обжигательных печей. Формат кирпича (а он у каждого периода свой) тот же, что применялся в постройках Алтынтепе. Значит, здесь было свое производство, которое снабжало жженым кирпичем ведущееся здесь монументальное строительство. В селениях постройки из жженого кирпича были редкостью.

Упорно ищем мы остатки гончарного производства,

уже отмечены места выбросов бракованной продукции и шлаков, но сами печи, мастерские? И вот при очередном обходе многочисленных холмов пригорода замечаем чуть красноватый оттенок земли, тут же валяется несколько кусков шлаков. Закладываем пробный раскоп, потом расширяем его и становятся видны обожженные, почти ошлаковавшиеся стенки печи. При вскрытии оказалось, что она сравнительно небольших размеров, круглая, двухъярусная, с отверстиями — продухами, через которые поступали из топки раскаленные газы в ту часть печи, где стояла сформованная, но еще сырая глиняная посуда. Процесс обжига — сложный процесс, требующий от мастера большого опыта и умения, он завершает процесс изготовления керамики и от него зависит какой будет очередная партия готового материала, каково будет качество посуды, либо же после неудачного обжига придется выбросить всю партию деформировавшихся, спекшихся от сильного жара изделий. Рядом располагалась еще одна печь такого же типа. Внутри нее и вокруг было найдено большое количество крышек для сосудов с красивым отштампованным орнаментом. Возможно, один из мастеров специализировался на их изготовлении.

Рядом плохо сохранившееся помещение мастерской. Так вот где сидел наш седобородый старец — гончар (во всяком случае, нам, археологам, видится такой облик ремесленника), который вращал гончарный круг и из-под руки которого выходили те разнообразные гончарные изделия, которые в таком изобилии дает нам городище.

Участок гончарных печей — значит несомненно развитие керамического ремесленного производства. На других участках были раскопаны еще две печи. О большом объеме производства свидетельствуют отвалы золы, шлаков, бракованной керамики, прослеживаемые в ряде мест.

Фрагмент глазурированной чаши с изображением птицы.

Здесь на месте изготовлялись различные виды гончарной продукции, в том числе и такие, которые были связаны с трудоемкими процессами производства. Были найдены бракованные, смятые в процессе обжига сосуды особого вида — с очень узким горлышком, округлым корпусом, острым дном. Они получили название сфероконусов или симабкузача. Сосуды эти предназначались для хранения и перевозки ртути, благовоний, лекарственных веществ. Все эти вещества, особенно ртуть, легко испаряются, поэтому нужно было сделать их стенки малопроницаемыми. Цель эта достигалась обжигом изделий при очень высокой температуре, когда глина начинала плавиться и все поры в ней закрывались. Обжиг этих изделий, а они, как правило, еще и украшались по поверхности разными узорами, требовал от мастеров высокого искусства. Особое мастерство необ-

ходимо было и при изготовлении посуды с рельефным штампованным орнаментом. Такие сосуды изготовлялись в формах, составленных из двух половин, и для них требовался особый состав глины, особая ее пластичность, умение правильно высушить и обжечь готовый сосуд. На городище найдены не только сосуды такого рода с очень сложным растительным орнаментом, изображениями животных, но и сами формы, в которых их изготовляли. Значит, это тоже был один из местных видов продукции.

А чуть позже мы найдем на большом участке скопление железных криц — полуфабрикатов металлургического производства, а еще позже вскроем остатки мастерской, где какие-то процессы были связаны с использованием печей — очагов, в которых достигалась высокая температура. Судить об этом можно было по оплавленным, ошлакованным стенкам этих очагов. Подобные горны, где плавил, например, бронзу, известны по этнографическим материалам. Использовали в этой мастерской и ртуть, о чем можно судить по находкам многочисленных сфероконусов, специально предназначенных в основном для перевозки ртути. Использование ртути в средние века часто было связано с ювелирным делом. Так или иначе мастерскую можно было связать с обработкой металлов. Бронзовые и железные шлаки встречались и на поверхности. В совокупности все это говорит о развитии металлургического производства.

Железо добывалось в горах, окружающих долину. Так, археологом Е. Б. Пругером зафиксирован в горах ряд средневековых пунктов, где велась первичная плавка железной руды. Затем железо в виде криц, округлых толстых лепешек, доставлялось в мастерские ремесленников, где снова плавилось и из него изготовляли необходимые орудия производства, труда, предметы вооружения.

Есть и следы других производств, например, находки

шлаков и бракованных изделий говорят о развитии стеклоделия, глиняных пряслиц — о ткачестве. Очевидно, занимались жители и плетением циновок. Вполне понятно, что сами циновки не могли сохраниться, но зато на глиняных крышках, которые лепили от руки, прекрасно сохранились их отпечатки — плетение ровное, крупное. Известно, что еще в XIX веке плетение циновок было женским делом, а камыш заготавливали мужчины. На протяжении многих веков циновки широко употреблялись в быту населения Средней Азии — ими устилали земляной пол в домах, мечетях, медресе, в богатых домах их клали под ковры, а в бедных ограничивались одними циновками.

Изготавливались здесь и некоторые виды украшений. Об этом рассказали, например, находки заготовок для изготовления бус.

Круг находок, связанных с развитием ремесла, все ширится и становится ясным существование на Алтынтепе разнообразных видов ремесленного производства.

Была здесь развита и торговля — свидетельством тому, в частности, многочисленные монетные находки и даже небольшие кладки монет. Кстати, один из них был найден рядом с гончарными печами. В стопочке оказалась 31 монета — медные посеребренные дирхемы, чеканенные караханидом Арсланханом Ибрахимом в Самарканде в 1179—1180 гг. Очевидно, именно в эти годы и функционировала печь, тем более, что в слое разрушения над ней была найдена монета 1233 г. Это идеальный случай, когда печь удалось четко датировать концом XII — началом XIII в.

Помимо монет, о развитии торговли говорят и находки привозных изделий. Из Самарканда, очевидно, привозились некоторые виды глазурованной керамики. Привезены были украшения из полудрагоценных камней или материал для их изготовления. Найдены на городище обломки океанических раковин и применяв-

шиеся как украшения и амулеты раковины — каури, явно попавшие в город из дальних стран.

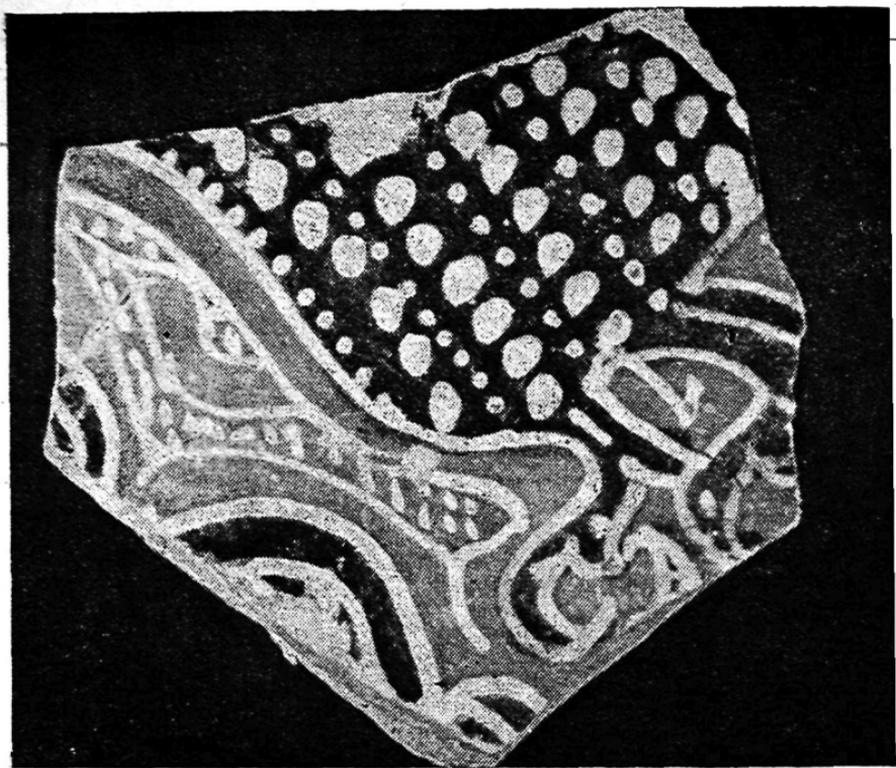
Подчеркнем еще раз, что наличие разных видов ремесел, торговля — все это говорит за то, что перед нами именно город, а не поселение.

УЗОРЫ НА СТЕНАХ

И много в мире избранных, чей свет,
Теперь еще незримый для незрящих,
Дойдет к земле чрез много, много лет...
В безвестном сонме мудрых и творящих
Кто знает их?

И. А. Бунин

Что еще характерно для города среди признаков «второго порядка»? Конечно же, наличие монументальных построек. Итак, еще одна задача. Правда, решение ее несколько облегчалось тем, что и на поверхности встречаются масса жженных кирпичей, фрагменты терракотовых облицовочных плиток, в том числе глазурованных, куски ганча. Мы знаем, что такие сооружения здесь были. Еще одно. Как сказано выше, в обрезах канала и сейчас видны культурные слои, остатки кладок, глиняные водопроводные трубы. В обрезе же канала археолог Б. Д. Кочнев увидел, а затем расчистил обрывки стен из жженого кирпича и в завалах около них куски своеобразной резьбы по ганчу с геометрическими, растительными узорами и остатками надписей. Значительная часть их была сосредоточена у ниши, очевидно михрабной ниши мечети. Мощные стены, богатый декор — здание мечети было крупным, монументальным. По комплексу находок и строительному материалу оно было датировано XII в. К сожалению, восстановить его план было уже невозможно. Но это было первое здание такого типа, открытое на городище.

Изображение птицы на поливной керамике

Остатки второго здания были найдены при других обстоятельствах. Дело в том, что небольшие холмы городища уже давно попали под распашку. Приехав осенью, мы застали часть площади неиспользованной под засе́вы и решили, воспользовавшись случаем, заложить пробные раскопы, дабы определить характер обживания и застройки данных участков. Удалось зафиксировать бывшее место расположения кладбища XII в., а на холме южнее него один из пробных раскопов дал вдруг фрагменты своеобразного резного настенного декора. Раскоп решено было расширить, и вот уже из-под напластований земли показались кирпичные стены, а потом и пол. При этом нижние части стен несли невы-

сокую панель, на разных участках выложенную резной узорной кладкой из жженого кирпича. По-иному тот же кирпич заиграл в фигурных вымостках пола, где ленты прямо положенного кирпича перемежались прямоугольниками, где кирпичи квадратные и прямоугольные были уложены по диагонали. Но наиболее интересной, хотя одновременно и очень сложной, оказалась расчистка упавших внутрь помещения верхних частей стен, сложенных из сырцового кирпича и украшенных... резьбой по глине. Да, обыкновенной глине. Глина крошилась, рассыпалась под руками. Пришлось сначала закреплять, пропитывать ее особыми составами, затем делать формы из гипса и только с их помощью вынимать из земли. Требовалась упорная, кропотливая работа, и нашими настоящими помощниками стали студенты-практиканты, проходившие археологическую практику, особенно Гена Богомолов и Володя Гришин (ныне уже опытные археологи). Затраченный труд стоил полученных результатов. В резьбе по глине то вились искусные арабески, то шли ряды крупных эффектных трилистников, заключенных в круги, окрашенные в ярко-синий цвет, то побеги с теми же трилистниками образовывали замысловатые фигуры. Мастера искусно, с тонким знанием материала, вели резьбу по глине с красивыми растительными узорами и раскраской отдельных элементов.

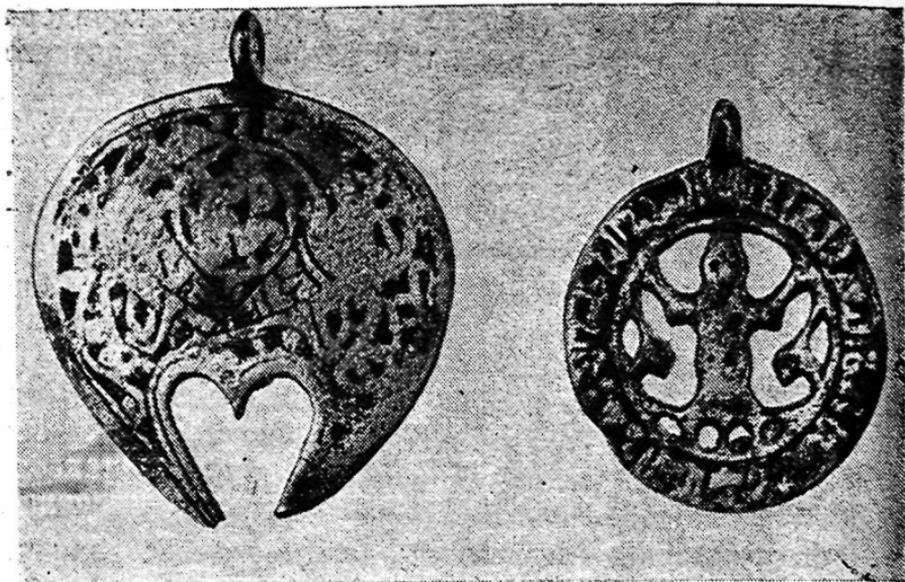
Позднее была найдена и резьба по белому ганчу-алебастру, причем основным мотивом в ней было несколько стилизованное изображение грозди винограда. Теперь мысленно надо было поставить все на место и представить себе узорную панель из кирпича внизу, фриз из резного ганча в верхней части стен, а остальное поле стены было, очевидно, покрыто резной глиной. Остается признать, что безвестные мастера, используя самые простые материалы — глину, ганч, кирпич, искусно и эффективно украсили коридорообразное помещение, являвшееся основной, связующей осью здания. Здание

было капитальным. Помимо упомянутого коридора вскрыто 10 примыкавших к нему помещений разного размера и плана.

Находки в основном бытового характера, значит здесь жили горожане, но только позажиточней. Помещения явно делились на парадные, жилые и хозяйственные. В хозяйственных комнатах находились тандыры — печи для выпечки хлеба, лепешек, хумы — сосуды для хранения воды и зерна, очаги для приготовления пищи и обогрева, а рядом с ними были найдены сильно закопченные котлы, сделанные из глины с различными добавками, придававшими ей огнестойкость. В таких котлах готовили пищу. А вот высокие сосуды с узкой горловиной служили для кипячения воды.

Интересны такие элементы благоустройства здания, как сливные ямы — ташнау, причем некоторые из них были на уровне пола красиво оформлены кладкой из кирпичей на ребро с расходящимися швами, как бы имитирующие лепестки цветка.

К числу парадных помещений, предназначенных, очевидно, для приема гостей, относилось помещение № 8. Пол его был своеобразно вымощен рядами кирпичей, поставленных на ребро, а в углу находилась довольно глубокая яма, стенки которой были обмазаны алебастром. При вскрытии ямы археологов ждал сюрприз — она оказалась на значительную высоту сплошь заполненной виноградными косточками, а слои вокруг приняли своеобразный зеленоватый оттенок, какой бывает, когда в течение длительного времени разлагаются растительные остатки. Очевидно, это была домашняя винодавильня. Судя по всему, в этом же парадном помещении вино и распивали (здесь найдено большое количество разнообразной посуды, в том числе очень изящные глазурованные пиалы и чаши). А в одной из комнат, возможно, вино выдерживали: здесь расчищен

Бронзовые украшения — подвески.

вкопанный в землю большой сосуд — хум, накрытый на уровне пола жженым кирпичом.

Отметим еще одно обстоятельство. При раскопках было выяснено, что дом неоднократно ремонтировался, перестраивался, кроме того, он построен на развалинах здания X века, а когда пришел в запустение сам дом, на этом месте продолжалась жизнь и в XII веке — все это свидетельствует о том, что территория города была плотно застроена, в ней не оставалось свободных участков для нового строительства.

Контрастом по отношению к зданию, описание которого приведено выше, выглядят остатки жилого дома, раскопки которого начаты на Ялпактепе — селении, расположенном рядом с Алтынтепе и явно входившем в сферу средневекового города. Домик на Ялпактепе имел тонкие некапитальные стены, жженный кирпич в них не применялся. Да и инвентарь победнее — глазурованной керамики мало, зато много хозяйственной

посуды, есть тандыры, каменные жернова для размолы муки, крупные глиняные столики на ножках для замешивания и разделки теста. Очевидно, здесь жили хлебопеки, изготавливавшие хлебные изделия не только для себя, но и на продажу.

Характерная деталь: в доме найдена красивая женская сережка, в оправу из бронзы был вставлен глазок, на первый взгляд казавшийся бирюзой, но, как оказалось, искусно ее имитировавшей глиной с голубой глазурью. Видимо, средств на покупку украшения с бирюзой — этим излюбленным на Востоке камнем — у хозяйки не было.

А теперь следует рассказать о находках, сделанных на Алтынтепе и прежде всего в раскопанных жилых домах.

РАССКАЗЫВАЮТ НАХОДКИ

Ты черепок, найдя, омой
И ставь на полку смело.
То слепок вечности самой
Без края, без предела.

Е. Винокуров

Описанный выше жилой дом сохранил в своих развалинах остатки самых разнообразных предметов — из бронзы и железа, кости и глины, стекла и камня. Все это позволяет с определенной полнотой охарактеризовать быт средневековых горожан долины Кашкадарьи.

Назовем сначала изделия из металла, их довольно много. Это железные ножи, как правило однолезвийные, железный же серп, детали из железа, явно связанные с потолочным деревянным перекрытием дома, крючки, ключ, наконечник стрелы. Из бронзовых изделий — миниатюрные сосуды, довольно крупный пестик, чашеч-

ка для весов, усьмадон (вот с каких пор женщины подкрашивали себе брови усьмой!) — очень эффектно и искусно сделанное изделие из бронзы, оформленное фигуркой птички. В Самаркандском музее хранится несколько напоминающий наш бронзовый стержень с изображениями птичек наверху и петелькой внизу. Считается, что это специальный держатель для клетки с перепелками. Быть может, именно так употреблялось и наше изделие?

Очень изящна стеклянная посуда. Конечно, ни одно изделие из стекла не сохранилось целиком, все они очень хрупки, а потому фрагментированы, но и по осколкам можно представить себе формы посуды — кувшинчики, банки, чаши. Красивы разнообразные оттенки стекла. Из стекла делали и специальные круглые диски с закраиной — оконные стекла. Найдены и женские украшения — бусы, глазки от перстней.

Неожиданной, но уникальной находкой оказалась небольшая костяная свирель с пятью игровыми отверстиями. Замечательно сказал о такой находке узбекский поэт Мирмухсин:

«Разрушались дворцы,
подымались и гибли державы,
а она уцелела,
готовая снова запеть».

Интересны и обстоятельства ее обнаружения: мы нашли ее внутри тандыра. Быть может, это связано с запретами ислама пользоваться музыкальными инструментами и хозяин предпочитал хранить свирель в укромном месте?

Почти в каждом помещении были обнаружены очажки и связанные с ними подставки-жаровни. И те, и другие были часто украшены богатым резным орнаментом, а часто и инкрустированы кусочками голубой глазури. Многие исследователи связывают особое внимание к

украшению очажков с отголосками существовавшего здесь когда-то в древности культа огня.

Но особенно многочисленные находки связаны с комплексом разнообразных керамических изделий. Они интересны и потому, что керамика чрезвычайно важна для археолога как датирующий признак. Кстати, и здесь именно керамика помогла уточнить датировку здания концом X — началом XI в. Были найдены хумы, горшки, котлы, тагора (крупные чаши для замешивания теста, для стирки), кувшины. Эта группа сосудов была безглазурной, но иногда несла процарапанную или расписную орнаментацию. Очень много разного размера крышек с резными геометрическими и растительными узорами, а иногда и с изображениями стилизованных животных и птиц.

Но поистине безгранично искусство мастеров проявлялось при изготовлении играющей различными оттенками красок и бесконечным разнообразием узоров глазурованной керамики. Здесь и сложные плетения геометрических орнаментов, и многочисленные варианты растительных узоров, и надписи, наконец, на нескольких черепках изображены птицы, а на одном сохранилось лицо человека. Это обстоятельство отметим особо. Ведь ислам запрещал изготавливать и продавать предметы с изображением живых существ. Значит, в этом доме изготавливали и пили вино, хранили музыкальные инструменты и, конечно, пользовались ими, наконец, употребляли посуду с изображением людей и животных. Выходит, надо сделать вывод о том, что хозяин дома был вольнодумцем? Нет, вывод и проще и сложнее — народные традиции оказывались более прочными и живучими, чем религиозные наслоения. К тому же область располагалась далеко от столичных городов, где религиозный фанатизм обычно был сильнее. Но это к слову. Вернемся к находкам.

Именно в тех комнатах, где, очевидно, собирались

Расчистка резьбы по глине.

гости, найдено особенно много посуды с надписями. Наиболее часто в них употребляется арабское слово «ал-йумн» — «благополучие». Оно то размещается на посуде группами, то бесконечно повторяется сплошным поясом по бортику чаш. Это слово из группы так называемых слов — благопожеланий («счастье», «здоровье», «изобилие», «благополучие», «совершенство»), которые часто встречаются на керамике X—XI вв. и ставились на ней в виде пожеланий всех этих благ владельцу сосуда. Очевидно, есть или пить из такого сосуда было особенно приятно. Не менее распространены были на керамике и надписи — афоризмы. На одном из черепков найден

фрагмент надписи «Щедрость — одно из душевных качеств праведников».

Одним из известных на Востоке центров по производству такой посуды являлся Самарканд. Возможно, что и эти сосуды с очень искусно исполненными надписями, привезены именно оттуда.

Разного рода находки были сделаны и в других раскопках. Так, на основном бугре вскрывался хозяйственный двор с рядом тандыров и очагов, и опять был получен комплекс керамики, но уже XII в. Каждый период приносил с собой новые формы посуды, новые способы ее орнаментации. В XII в. распространяется посуда с коричневым и зеленым рисунком на белом фоне, здесь много гладкой без рисунка голубой глазури, очень своеобразна и, очевидно, свойственна лишь кашкадарьинской керамике группа сосудов со сложным легкорельефным штампованным рисунком под розовой или салатного цвета глазурью. Меняется и характер строительных материалов, размеры сырцовых и жженных кирпичей.

Чрезвычайно важная находка была сделана при раскопках гончарной печи — в ней обнаружена кучка явно случайно попавших сюда зерен пшеницы. Эти зерна были обследованы в лаборатории Среднеазиатской опытной станции Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства. Оказалось, что пшеница относится к виду тритикум компактум — карликовой пшеницы, которая была освоена ранними земледельческими племенами Южного Узбекистана еще во втором тысячелетии до нашей эры и усовершенствованные разновидности которой продолжали выращиваться в средние века. Эта пшеница имела плотный и короткий колос и высокие хлебопекарные качества. Местами этот вид пшеницы выращивается в Средней Азии до сих пор.

При расчистке стены, окружавшей цитадель, в ее кладке было найдено довольно крупное бронзовое зер-

Глиняный котел для приготовления пищи

кало. Сейчас оно покрыто окислами, а раньше одна его сторона была отполирована (к слову сказать, в древнем Китае существовала даже специальная профессия полировальщика зеркал) и в зеркало можно было смотреться. С другой стороны находилась полушаровидная ручка-петелька, вокруг которой был размещен несложный орнамент. В эту ручку продевалась веревочка и зеркало часто носили прикрепленным у пояса, причем не только женщины, но и мужчины. С зеркалом в древности были связаны различные магические представления. С целым зеркалом связывались представления о благополучии, о судьбе. Так, богиня-мать, вершившая судьбы людей, часто изображалась с зеркалом в руке. С разбитым зеркалом издавна ассоциировались представления о смерти, осколки бронзовых зеркал иногда клали в могилы. Не случайно, очевидно, зеркало попало и в кладку стены — его положили скорее всего для предотвращения кладки от разрушения, а возможно, этому был придан и какой-то другой магический смысл.

О разных сторонах быта городского населения рассказали находки глиняных глазурованных и неглазурованных чернильниц, костяных гребней, которые в зависимости от величины зубьев и их размещения предназначались либо для расчесывания волос, либо для вычесывания пуха при работе с шерстью. Многочисленны находки светильников-чирогов, обязательной принадлежности каждого дома. На городище найдены бусы и украшения из горного хрусталя, сердолика, лазурита, халцедона, шунгита, кварца, стекла, ажурные, а иногда и с изображениями птиц и животных, бронзовые подвески, перстни из бронзы, круглые колокольчики из бронзы и многое другое.

Поселению были присущи элементы городского благоустройства. В ряде мест были найдены остатки трубопроводов, состоящих из вставленных друг в друга глиняных труб-кабуров. В одних случаях это были нити водопроводов, которыми отводилась вода от каналов, арыков в дома, в мастерские, в других случаях такие трубы были использованы для устройства своеобразной канализации — сливных ям-ташнау. Были в городе и обложенные жжеными кирпичами колодцы, и специально вырытые мусорные ямы.

Совсем недавно на Алтынтепе обнаружены остатки городского кладбища X—XI вв. Могилы были размещены правильными рядами и очевидно в зависимости от социального положения погребенных были обложены то жжеными кирпичами, то сырцовыми или их обломками. Обряд захоронения типично мусульманский и одинаково выдержан во всех захоронениях — могилы ориентированы по направлению север-юг, погребенные лежат на спине, голова повернута на запад. Никаких вещей или украшений в могилу не клали. Поэтому мусульманские погребения вообще являются менее информативным источником по материальной культуре общества, чем доарабские, в которых часто бывает богатый и разно-

Поделка из бронзы с изображением птицы.

образный сопроводительный инвентарь. Однако оформление могил и детали обряда дают разные варианты и в этот период. Так, в некоторых могилах кладбища на Алтынтепе под головами погребенных была сделана своеобразная «подушка» из кирпичей.

Много дали заложенные на городище шурфы, но о них особо.

ЭТАПЫ ИСТОРИИ

Ушедшие полузабытые тени
Ложатся на камни сегодняшних дней,
Чтоб нам открывалось столетий сплетенье.
Чтоб самое дальнее было видней.

Л. Ошанин

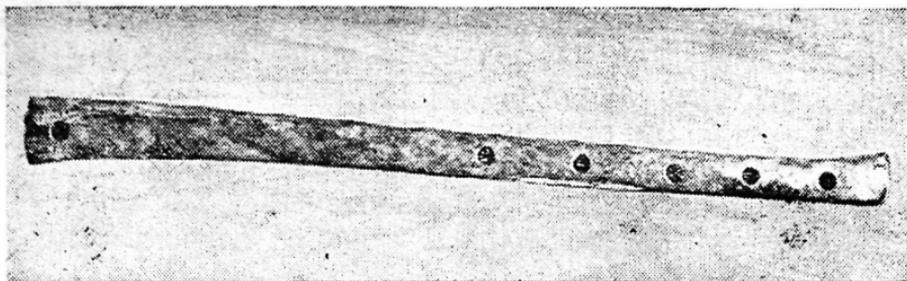
Очень важной составной частью работы археолога в поле является закладка стратиграфических шурфов. Чем вызвана их необходимость? Попробуем объяснить. Обычно первая стадия изучения того или иного района связана с проведением археологической разведки, которая ставит своей целью фиксацию всех сохранившихся на поверхности земли памятников, сбор на них подъемного материала, его изучение. Конечно, такое изучение может дать какое-то общее представление о памятнике, его размерах, характере, времени обживания, но здесь значителен и элемент случайности. Например, найденные на поверхности черепки, монеты могли быть оставлены проходившим мимо караваном, случайными посетителями и отнюдь не свидетельствуют об обживании памятника в это время. Поэтому, как только представится возможность, археологи предпочитают заложить шурф — сравнительно небольшой площади квадратную или прямоугольную яму и углубляют ее до тех пор, пока она не достигнет материка, то есть чистых нетронутых слоев, участков, где никогда не жил человек. Вся же толща от поверхности до материка оказывается за-

полненной напластованиями, связанными с проживанием на данной территории человека — остатками строений, предметов материальной культуры, отходов и пр.

В этих наслоениях могут быть и «стерильные» прослойки, прослойки чистой земли, наносов, свидетельствующие о том, что в какой-то период поселение (городище, отдельное строение) было заброшено, и лишь позднее жизнь здесь снова возобновилась. Вот эти-то культурные слои, напластования в совокупности с чистыми прослойками и будут объективными свидетелями истории того или иного памятника.

Если памятник имеет большую высоту, многометровые отложения, столетиями накапливавшиеся на поселении, то приходится копать шурф ступенями, постепенно сокращая его площадь, чтобы обязательно добраться до самых нижних слоев. И копать при этом приходится только вручную, только лопатами. Нас часто спрашивают, почему мы не используем механизмы, например экскаватор, который вырыл бы такую яму очень быстро. Да, это так, но пользы от такой ямы для археологов не было бы никакой. Ведь главное здесь определить последовательность слоев, их датировку, узнать, какие орудия труда, предметы быта соответствуют именно этому периоду и какие приходят им на смену, как изменяются от этапа к этапу приемы строительства и сами строительные материалы.

При работе в стратиграфическом шурфе археолог должен быть очень внимательным, чтобы не впасть в ошибку. Ведь часто гораздо более поздний материал может оказаться ниже более раннего. Приведем такие примеры. Глубокая мусорная яма могла прорезать несколько слоев; развалины древних домов, а оказавшаяся на дне ее выброшенная посуда или другие предметы, конечно, будут датироваться более поздним временем, чем лежащий выше слой с остатками домов, или в кирпичи, пахсу могли попасть мелкие предметы более ран-

Костяная свирель.

него происхождения, если землю для них брали там, где обживание прекратилось за много лет, а иногда и веков, до этого. Надо тщательно проверять обстоятельства находки каждой вещи, особенно это касается монет, которые могут дать точную дату постройки или культурного слоя.

Там, где нет возможности вести раскопки на широких площадях, археологи ограничиваются шурфами. Но и на объектах, где ведутся даже широкомасштабные раскопки, шурфы закладываются тоже. Почему? Дело в том, что жизнь на многих памятниках часто продолжалась на протяжении многих столетий, и ведя раскопки с поверхности, на небольшой глубине, мы получим лишь постройки последнего (или последних) периода обживания. Чтобы узнать что-либо о более ранних периодах, необходимо снимать поздние слои, остатки построек на больших площадях, что требует огромных объемов земляных работ, больших сроков их проведения, а это часто даже крупным экспедициям бывает не под силу. И вот тут опять на помощь приходят стратиграфические шурфы, при закладке которых и выявляется полная история памятника.

На Алтынтепе сначала было заложено несколько шурфов в пониженных местах на большом бугре и в пригороде. Уже они показали, что внизу, на материке, здесь лежат слои VII—VIII вв. Но особенно интересным,

С насыщенным материалом слоями оказался крупный стратиграфический шурф-раскоп, заложенный в центре основного бугра. Мы опускали его, постепенно сокращая площадь, как бы ступенями, для удобства работ, ибо знали, что мощность слоев здесь будет значительной. И все же действительность превзошла наши ожидания — нам удалось достичь материк лишь на глубине свыше 15 м. На протяжении нескольких лет, опускаясь постепенно «вглубь веков», снимая слой за слоем, в которых отпечатались следы жизни города, изучая остатки архитектуры, содержимое пластов, от XIII в., когда в последний раз обживался бугор, нам удалось опуститься к V—VI вв. Слои показали, что за это время жизнь в городе развивалась чрезвычайно интенсивно, одни постройки сменяли другие, а на их развалинах в свою очередь строились новые.

Вот уж поистине на стенках шурфа отложилась вся многовековая история города.

Каким же оказалось содержимое самых нижних культурных слоев? Здесь обнаружены сильно разрушенные остатки стен из прямоугольного крупноформатного сырцового кирпича и довольно много керамики своеобразного облика — кроме керамики, сделанной на гончарном круге, здесь значителен процент очень грубой лепной, сделанной от руки посуды. В черепках имеются добавки в виде разбитой на мелкие кусочки и добавленной в тесто старой керамики. В чем же дело? Ведь известно, что земледелие в долине Кашкадарьи появилось по крайней мере с середины первого тысячелетия до нашей эры, культура земледельческого населения была довольно высокой, и люди научились уже давно делать на гончарном круге прекрасного качества посуду. Явление это изучено и объяснено известным археологом С. К. Кабановым. Такие же комплексы керамики, как обнаруженной у нас, он неоднократно находил на памятниках Каршинского оазиса и пришел к выводу, что в

V—VI вв. (этим временем датируется керамика) в этом районе по соседству с земледельцами обитали и, очевидно, оседали на землю кочевники, культура которых была более отсталой и все же в результате взаимодействия часто оказывала влияние на культуру земледельческого населения. Теперь мы можем говорить, что такие процессы шли не только в нижней части долины Кашкадарьи, но и в ее средней части. Это новый штрих к истории области. Это еще одно доказательство того, что было бы неверно представлять отношения кочевников и земледельцев, как отношения постоянной вражды. Чаще это были экономические, хозяйственные, культурные взаимодействия. Городское ремесло находило у кочевников рынок сбыта, кочевники снабжали земледельцев продуктами скотоводства, участвовали в транзитной торговле и пр.

И еще одно. Раз на материке лежит довольно мощный слой V—VI вв., значит именно в это время на данной территории впервые основывается поселение. Размеров его мы пока не знаем, но предположение, что арабы застали здесь уже существовавшее поселение, безусловно подтвердилось. Кстати, в непосредственной близости находится и упомянутое выше Сигиртепе — отдельно стоящий феодальный замок, судя по материалам раскопок, относящийся именно к V—VI вв.

Выше шли слои VII—VIII вв., материал из них сопровождался находками двух типичных согдийских монет того времени — со сквозным квадратным отверстием в центре. В совокупности с материалами из других шурфов эти данные говорили о том, что поселение или город того времени уже заняли значительную территорию. Выявлен в шурфе и слой IX века.

А со слоями X—XI вв. уже связаны остатки архитектурных сооружений. Для каждого этапа этого периода вскрывались по несколько комнат из разных строительных материалов с остатками очагов, тандыров, таш-

Изображение человека на фрагменте глазурованной посуды.

нау, вымостками полов и разнообразными предметами материальной культуры.

Очень насыщенными оказались в шурфе и слои XII—XIII вв. Интересно при этом, что близко к поверхности вскрыты остатки помещения, на полу которого оказался кладик из 7 медных дирхемов. По определению профессора М. Е. Массона, они биты в Самарканде в 1224—1225 гг. Тут мы не можем не сказать, что Михаил Евгеньевич Массон был создателем Кашкадарьинской археологической экспедиции университета, а уйдя на пенсию, до последних дней жизни постоянно интересовался результатами работ экспедиции и помогал нам своими советами, консультациями.

Единичные монеты тридцатых годов XIII в. найдены и на других раскопах. Они также выпущены в Самарканде для обращения в городе и его округе. Это обстоятельство интересно с разных точек зрения. Во-первых, получено доказательство, что жизнь в нашем городе еще теплилась какое-то время после монгольского завоевания, но вскоре она прекратилась, и данная территория никогда уже больше не обживалась. Во-вторых, находки этих монет говорят о том, что данный район входил в это время в сферу денежного обращения Самарканда, а возможно, и подчинялся ему.

В целом, как уже говорилось, шурф не только оправдал, но и превзошел наши ожидания. Данные его важны не только для истории города. Дело в том, что такой шурф-раскоп, прорезавший напластования почти тысячелетней эпохи, впервые для долины Кашкадарьи дал столь разнообразный и важный материал, позволив в какой-то степени охарактеризовать ряд этапов ее истории.

Каждый из шурфов, заложенных на Алтынтепе, в чем-то дополнял данные главного шурфа. Так, один из шурфов, заложенных на краю цитадели, в пониженном месте дал интересную картину — был расчищен уровень проходившей здесь улицы, поверх которого шли слои мусора. С чем это связано? При тщательном обследовании оказалось, что именно тут сначала находился въезд на цитадель, от которого и отходила улица, но позднее «парадный вход» сделали с другой стороны, и на заброшенную улицу, находившуюся, кроме того, на окраине, стали выбрасывать мусор, бытовые отходы, например кости животных, обломки кирпичей и пр.

В пригороде мощность культурных слоев была меньше — обычно она достигала 5—6 м, и начала обживаться эта часть позднее, лишь в VII—VIII вв., когда и начался процесс разрастания поселения, превратившегося в X—XI вв. в крупный город. Слои этого времени от-

мечены на значительной площади. По нашим данным, в это время город мог занимать территорию до сорока гектаров.

Закладка шурфов связана и с первичным обследованием ряда памятников.

ДРЕВНИЕ ГОРОДА

Тебе, наверно, кажется, что ты постиг, изведал
Веков ушедших тьму и глубину,
И — для тебя — все поражения, все победы
В литую цепь протянуты одну...
Но это только кажется... Еще полно загадок,
Которых никому пока не разгадать;
Они идут с тобой, они почти что рядом.
Как караваны, по пескам им выпало шагать.

А. Софронов

Сплошное обследование Кашкадарьинского оазиса показало, что городов здесь было больше, чем это упоминается в письменных источниках. И если некоторые развалины до раскопок можно лишь условно отнести к категории городов, то о других это можно говорить со всей определенностью. Таковы два городища Чиракчинского района, расположенные, очевидно, близ древней переправы через Кашкадарью. Одно из них, Кишмиштепе, расположено на левом берегу, другое — Чандарактепе — близ правого берега.

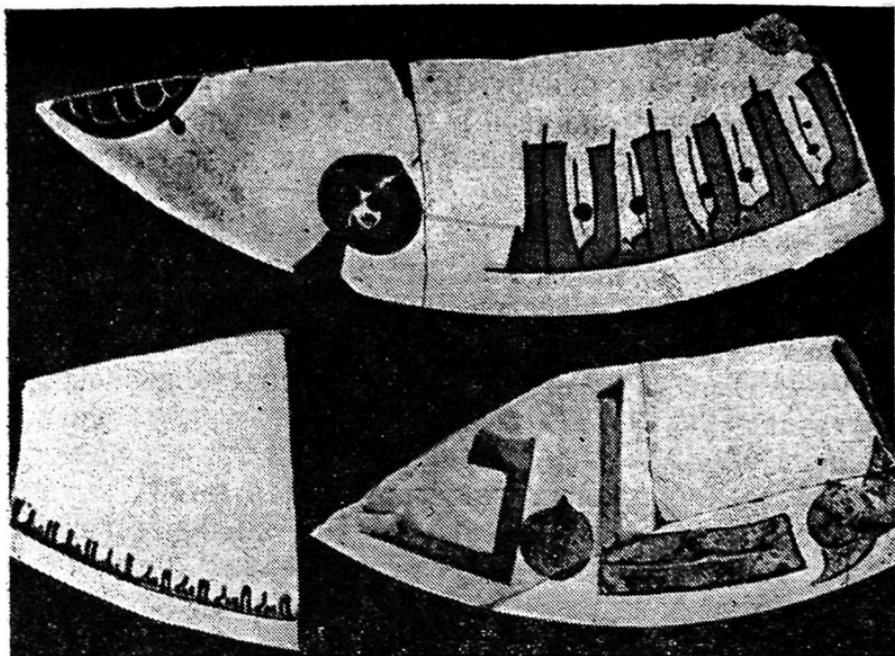
Чандарактепе состояло из высокой, по-видимому, укрепленной цитадели, собственно города — шахристана — площадью восемь гектаров и пригорода, ныне в значительной степени уничтоженного распашкой, но вместе с шахристаном занимавшего площадь не менее 30 гектаров.

Чтобы попасть на Чандарактепе, надо проехать селение Янгибад и вскоре за новыми домами-коттеджами — откроется вид на внушительных размеров развалины,

С высоты цитадели виден цветущий оазис на многие километры вокруг. Очевидно, в древности такой обзор помогал во-время обнаружить появление врагов, которых можно было ожидать в первую очередь со стороны закашкардарьинских степных пространств, где издревле обитали кочевники.

Собирая подъемный, то есть встречающийся на поверхности, материал — жженные кирпичи, керамику — уже можно было представить себе примерные границы времени жизни здесь. Так, встречались обломки керамики VI—VII вв., посуда X—XII вв. Благодаря небольшим раскопкам пока удалось определить только до какого времени продолжалась жизнь на территории шахристана. Последние напластования относятся к XII в., а в начале XIII в. жизнь прекращается. Чандарак (мы не знаем, как называли город его современники), очевидно, погиб в ходе монгольского завоевания, разделив судьбу многих других городов.

В сохранившейся части пригорода нашей экспедиции удалось зафиксировать сначала отвалы гончарного производства, а затем раскопать и обжигательную печь, вернее то, что от нее сохранилось — глубокую топку овальной формы со ступенчатыми уступами по стенам, на которых покоилось перекрытие. В XII в., очевидно, так же, как и в предыдущее время, город имел свои мастерские по изготовлению разнообразной глиняной посуды. Уже небольшой раскоп дал представление о том, какая посуда была в употреблении. Найден, например, фрагмент очень крупного котла для приготовления пищи с двумя дугообразно изогнутыми ручками. Для придания сосуду качеств жаростойкости в глину была добавлена значительная примесь мелкодробленого кварца. Стенки котла были довольно толстыми. А вот сосуды для кипячения воды делались более высокими, узкогорлыми, тонкостенными, но и для их изготовления в глину добавлялись различные специальные компоненты. На

Фрагменты посуды X века с надписями.

стенки некоторых котлов наносилась сложная роспись красной краской. Эта роспись преследовала в первую очередь декоративные цели, но среди мотивов были и символические. Так, круг с размещенными вокруг точками у многих народов, в том числе и у среднеазиатских, символизировал солнце, а возможно, и огонь.

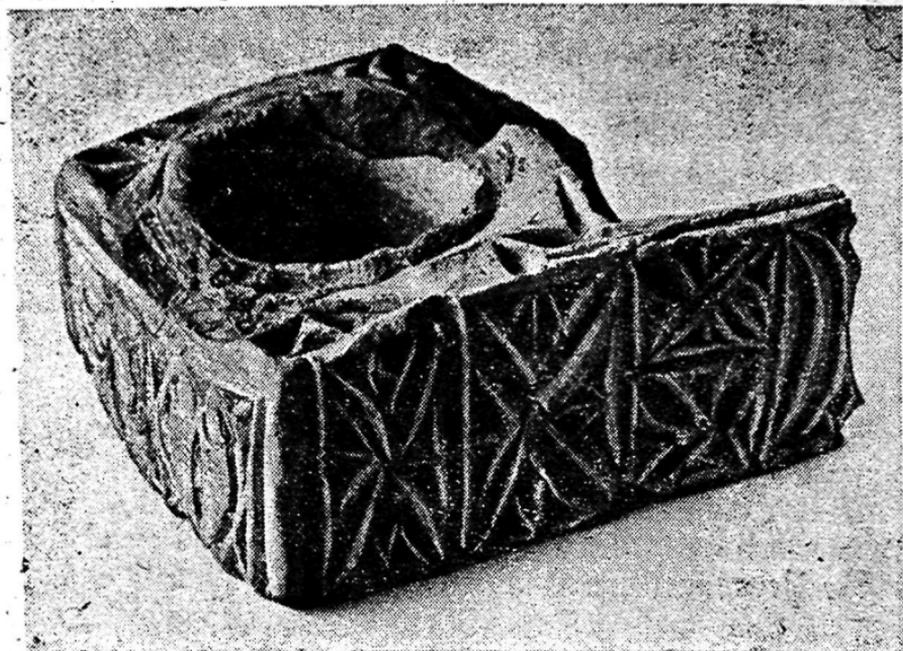
Этот город лишь начинает приоткрывать нам свою многовековую историю. Через несколько веков после монгольского нашествия в XVI—XVIII вв., рядом с развалинами вновь возникает поселение, которое передает эстафету жизни Джаркишлаку, ныне превратившемуся в крупное цветущее селение Янгибад, расположенное на землях колхоза имени XXIV партсъезда.

Сильно разрушено Кишмиштепе: несколько лет там действовал кирпичный завод. Сохранилась часть шах-

ристана с мощными культурными пластами, в обрезках траншей, проделанных бульдозерами, прослеживаются остатки построек, слои золы, завалы кирпичей, наконец, на краю бугра удалось расчистить в разрезе стену шириной 5 м из крупноформатного сырцового кирпича. Это явно остатки оборонительной стены города. Найдена и расчищена гончарная печь XII в. Стенки печи сильно ошлаковались, очевидно, печь служила гончарам не одно десятилетие. На дне топки был слой золы и обгоревшие кости животных. Кости использовались в древности как топливо, дающее высокую температуру, что и было необходимо для обжига керамики. Вскрыты и мусорные ямы со средневековой керамикой.

Длительная история города несомненна. Кишмиштепе находится рядом с Чиракчи, современным райцентром. История их связана между собой, причем отголосок этого сохранился даже в легендах. Приведем одну из них. Легенда рассказывает, что на поселение, размещавшееся на площади Кишмиштепе, пришел однажды путник, просивший приютить и накормить его. Никто не захотел этого сделать. В какой бы дом он ни постучался, везде его встречали отказом. И лишь одна бедная старушка сама позвала его к себе в дом. Путник переночевал у нее, а на следующий день, собираясь в дорогу, дал ей совет: вечером уйти из города в загородную мечеть, а поскольку будет темно, взять с собой светильник — чирак. Путник очень упорно на этом настаивал, и старуха так и поступила. Вернувшись утром домой, она увидела, что все ее селение разрушено землетрясением. Лишь позже город отстроили на новом месте, которое в память об этом случае стали называть Чиракчи. Такова легенда. В ней верно передано представление, что древний город находился на месте Кишмиштепе. Но только город погиб не в результате естественного бедствия, а скорее всего в ходе монгольского нашествия.

Возник же город (или поселение на месте будущего

Глиняная чернильница XII века.

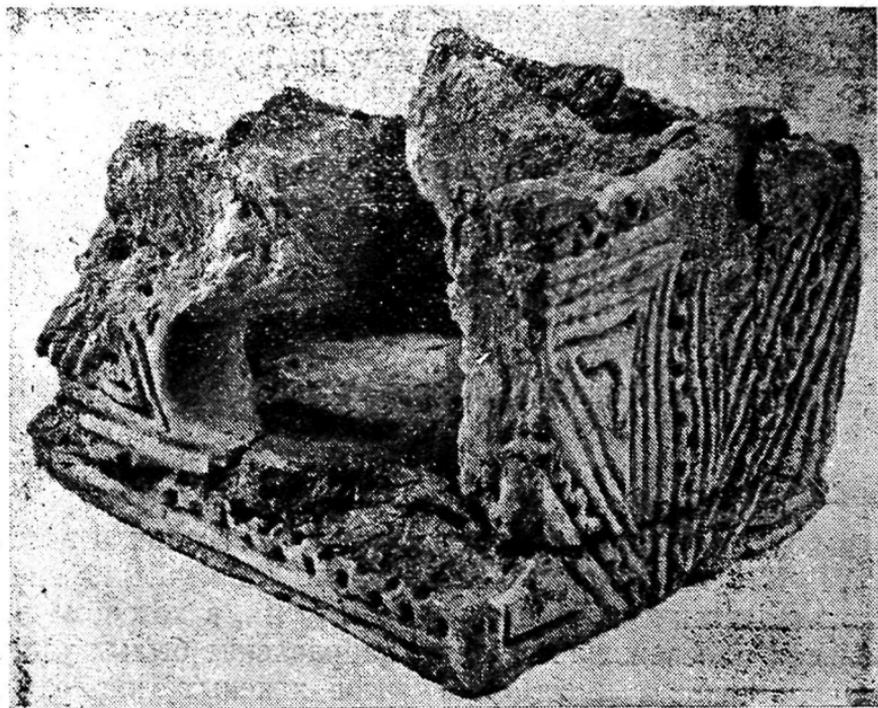
города) не позднее VI в., а уже в VII—VIII вв. вокруг города отстраивается стена из крупных сырцовых кирпичей и битой глины-пахсы. Расцвет города падает на X—XII вв., чему, конечно, способствовало его размещение близ оживленной переправы через Кашкадарью и на торговом пути из Кеша в Несеф. Разрастаются пригороды. Но после монгольского завоевания город хиреет и позднее переходит на новое место. Еще сейчас на окраине современного города Чиракчи видны остатки калы — крепости недавнего прошлого, а глубокие старики еще могут указать, где находились караван-сарай, ворота в стене, кладбища. Нам рассказывали, что при строительстве одного из котлованов зданий в земле хорошо были видны остатки крупных обжигательных печей. Городу Чиракчи примерно полторы тысячи лет.

Есть остатки средневековых городов и на территории Яккабагского района. К их числу принадлежит, например, Чимкургантепе. Чрезвычайно удачно было выбрано место для размещения будущего города — в излучине реки Кызылдарьи, на оконечности предгорных адыров. Строители города использовали даже естественные овраги, расположенные вокруг города, которые явно выполняли роль рвов. Водой рвы могли заполняться как из Кызылдарьи, так и из небольших саев. Город был укреплен и имел укрепленную же цитадель, также окруженную небольшим рвом, через который были переброшены земляные перемычки.

Остатки города, лежавшего на караванном пути, представлены ныне развалинами Гышатепе на территории колхоза имени Энгельса. Поселение возникло здесь в VI—VII вв., а возможно, и раньше, а в X—XI вв. идет его разрастание и формирование города, в котором по рельефу прослеживается даже направление былых улиц. На поверхности много фрагментов жженных кирпичей, средневековой керамики.

Примером небольшого (шесть гектаров) трехчастного городка может служить Сарыктепе, развалины которого сохранились на землях колхоза «Шарк юлдузи» недалеко от Старого Яккабага. Город был центром небольшого оазиса, в сферу его влияния явно входили не только разбросанные вокруг сельские усадьбы, но и расположенные несколько дальше селения. В центре города размещалась небольшая, но высокая цитадель, а по сторонам от собственно города сложился уже в раннее средневековье пригород — рабад. В западной его части раскапывался трехкомнатный жилой дом IX в. (ниже мы расскажем о том, что такие дома были характерны и для сельских поселений).

По предварительным данным, наибольшую площадь город занимал в X—XI вв., а в XII в. обживалась только цитадель. В верхнем культурном слое цитадели вскры-

Миниатюрный очажок с резным орнаментом.

вались остатки построек, а вот поверхность ее, которая уже несколько лет распаивается, подарила нам ряд интересных находок. Такова нижняя часть терракотовой плитки, где изображен стоящий персонаж, очевидно, с копьём в руках, глиняная головка молодой девушки с косами в высоком коническом головном уборе, очень выразительная головка разноглазого дива. У него большие уши, пышные усы, крупный нос. Образы таких демонов связаны с народными верованиями. В традиционных представлениях эти персонажи могли служить на благо человеку, но могли приносить ему зло. В данном случае скорее передан облик доброжелательного существа.

Маленькие терракотовые плитки служили в домусуль-

манский период своего рода иконками, на которых изображались местные почитаемые божества. Такие плитки находили на ряде кашкадарьинских городищ, на некоторых из них было изображено божество с головой козла, мужчина в сложном головном уборе. Труднее судить о том, какое божество изображено на обломке плитки с Сарыктепе, но это явно божество местного или общесогдийского культа. А вот находка в пригороде оказалась неожиданной: там тоже была найдена плитка, но на ней явно изображен Будда, хотя детали изображения и своеобразны. У Будды крупная голова, прическа с высоким узлом на макушке, оттянутые вниз уши, легкая складчатая одежда. До этого различную буддийского характера терракоту находили на территории древней Бактрии (юг Узбекистана и Таджикистана), но, значит, в какой-то степени буддизм проникал и в Согд, хотя, может быть, приспособлялся здесь к местным культам. Вот какими интересными находками порадовали нас заговорившие руины Сарыктепе. Вообще же находок здесь было сделано много — это и разнообразная керамика, и стекло, и монеты, и забавные фигурки лошадей, пряслица, украшения.

Но вернемся к разговору о городах.

Пока не проводились раскопки на городище Гурджаб, но, судя по первичному обследованию, история его сложения и развития в средневековый период своеобразна. Сначала возникает поселение с цитаделью круглой или многогранной формы, причем территория обносится стеной. В IX—XII вв. не только продолжается обживание этой территории, но добавляется новая площадь в виде большого прямоугольника, и уже все части города вместе обносятся новой стеной и рвами. Это явно был центр какого-то большого района, и в зону его влияния входили такие поселения, как Хабартепе, Кургантепе, Ханимтепе и др.

Гурджаб просуществовал вплоть до XVIII — начала

XIX в., когда он снова упоминается в качестве одной из крепостей.

Города Кашкадарьинского оазиса в VIII—XII вв. состояли, как правило, из двух или трех частей, причем цитадель этих городов складывалась или на основе раннефеодалного замка или на базе раннего поселения. Именно укреплению цитадели уделялось особое внимание. Часто обносилась стеной, а иногда и рвами, и территория собственно города, пригород же чаще был неукрепленным и именно на его площади прежде всего размещались участки ремесленного производства.

О СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Лишь немые страдалцы,
Катастроф рубежи,
Городища останутся,
Города пережив...

Н. Гацунаев

Города функционировали в неразрывном единстве с сельскими поселениями. Чем больше развивалось ремесло в городах, а этот процесс как раз характерен для IX—XII вв., тем более тесной становилась связь поселений с занятиями сельскохозяйственной деятельностью. Такая специализация предполагала постоянный товарообмен, торговлю между городом и деревней, пополнение городского населения за счет сельского. Не всегда можно легко отличить город от сельского поселения, ведь между ними существовали переходные формы и в случае, например, благоприятного расположения на торговом пути, дававшим толчок к интенсивному развитию ремесленного производства, а затем и торговых отношений, территориальному росту, то или иное поселение постепенно перерастало в город, иногда становилось центром района.

Выше мы уже упоминали поселение Ялпактепé, где был раскопан дом хлебопекóв. Приведем еще примеры.

Киндыктепе. Мы считаем, что это большое сельское поселение, которое имело тенденцию перерастания в небольшой городок. Оно находится на окраине кишлака Тезоб в Яккабагском районе. Это расплывчатый довольно плоский холм, посредине которого возвышается небольшой центральный бугор. Обживание оазиса поселений, к которым принадлежало и Киндыктепе, начинается еще на грани нашей эры, в период античности. Орошение местности основывалось на системе реки Танхаздары. Но само поселение в ряду других возникает в раннесредневековый период. История его интересна. Первоначально здесь отстраивается стоявшее на высокой платформе здание, явно принадлежавшее феодальному владельцу, а вокруг складывается небольшое поселение, в домах которого, очевидно, селились люди, находившиеся в той или иной степени зависимости от феодала. Постепенно поселение начинает разрастаться и в X—XII вв. занимает площадь около двух гектаров.

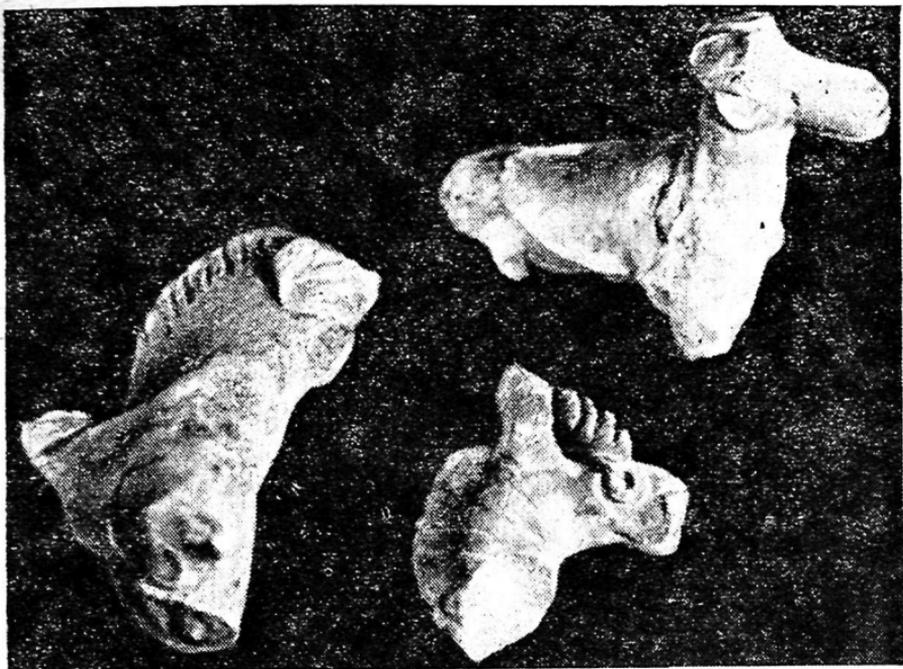
На поселении проведены раскопочные работы. Вскрыт дом владельца, состоявший из большого зала для приема гостей и еще нескольких помещений. Здание имело мощные стены толщиной до двух метров. Вдоль стен зала шли широкие возвышения — суфы. Напротив входа суфа расширялась, образуя выступ. Археологи называют такое место «эстрадой» или местом почета. Очевидно, во время приемов здесь восседал сам хозяин дома, а возможно, и наиболее почетные гости. Традиции строительства залов такой планировки в домах зажиточных горожан и сельских феодалов сложились сначала в Зарафшанском Согде, где они хорошо известны, например, по раскопкам кварталов горожан Пенджикента VI—VII вв., а затем быстро распространились и на смежные территории. Но если стены залов горожан Пенджикента украшала многокрасочная сюжетная живопись, то местный феодал ограничился тем, что построил себе зал примерно таких же размеров, стены и суфы

которого были обмазаны очень ровно толстым слоем глиняной штукатурки. Здание погибло от пожара. В завалах расчищались слои горелого дерева — следы рухнувшего деревянного перекрытия. Судя по всему, здание было построено в VI в. Позднее на его развалинах было отстроено новое здание, полный план которого восстановить уже не удастся. А вот к IX в. постройки окончательно забрасываются, свидетельством тому расчищенные мусорные ямы с керамикой того времени.

Зато вокруг бугра разрастается крупное поселение. На его площади заложен шурф, который показал, что за время с VI по XII в. здесь успели накопиться шестиметровые культурные напластования, которые включили в себя остатки архитектуры, вымостки полов из жженных кирпичей, разнообразный материал.

На поселении были заложены раскопы по изучению жилых домов. Вскрытие одного из них давалось с трудом. Это и неудивительно, если учесть, что дом явно принадлежал бедному селянину, был отстроен только с применением сырцового кирпича. Внешние стены его достигали лишь 70 см в ширину, а внутренние были и совсем тонкими — всего в 20—40 см. Хозяевам приходилось постоянно заботиться о поддержании стен в сохранности — повсюду видны следы ремонта. Ремонтировали стены приложенными к ним плашмя прямоугольными сырцовыми кирпичами, причем иногда это делалось неоднократно. Ясно, что после того, как дом был заброшен, он начал очень быстро разрушаться, и развалины его дошли до нас и вовсе в плачевном состоянии.

Дом состоял из четырех маленьких комнат, размеры самой большой из них 9 м². Одна комната служила своего рода вестибюлем, из нее входы вели в остальные изолированные комнатухи. В одной комнате расчищены остатки очагов для приготовления пищи, в другой находилась сливная яма — ташнау и, очевидно, хра-

Глиняные фигурки животных.

нились продукты (перегородочкой в углу комнаты было отделено нечто вроде закрома). Третья комната могла служить спальней. Здание датируется X—XI вв. Очень трудно установить, чем занимался хозяин дома. Скорее всего это был земледелец, находившийся в феодальной зависимости. Во всяком случае очевидно, что его труд не приносил ему больших доходов, а лишь обеспечивал какой-то необходимый прожиточный минимум. В доме было небольшое количество глиняной посуды, как глазурированной, так и неглазурированной, котлы для варки пищи, несколько изделий из стекла, железный нож — все это найдено при раскопочных работах.

На Киндыктепе встречаются шлаки, бракованные изделия, штампы для орнаментации керамики, значит, в каком-то объеме жители поселения сами обеспечивали себя гончарной продукцией.

В другой части поселения раскопан еще один дом. Он также состоял из четырех помещений чуть большего размера, чем в предыдущем, но дом, видимо, перестраивался и получился «кособоком», его северная часть размещена под углом к южной. Помещения расположены в два ряда и все взаимосвязаны проходами. Одна из комнат была хозяйственной. Ближе к углу была сделана небольшая вымощенная жженым кирпичем площадка, а на ней стоял очаг очень интересного устройства. Он был вылеплен из глины, вытянут в длину и имел три отверстия — «конфорки», как шутливо мы их назвали. На этом очаге можно было сразу устанавливать три котла или сосуда для кипячения воды. Отверстия все были разного диаметра, но самое большое отверстие имело диаметр всего 25 см, значит, размеры устанавливавшегося на него котла не превышали в ширину 30—35 см. Это заставляет нас предполагать, что в доме проживала небольшая семья, которой было вполне достаточно подобного объема приготавливаемой пищи. В доме пользовались глазурованной и неглазурованной посудой, характерные особенности которой и позволили датировать дом X в.

И, наконец, еще в одном доме три комнаты были расположены параллельно друг другу. Сразу за входом шла большая комната — михманхона, пол которой был вымощен жженым кирпичем, во второй комнате находились хозяйственные очаги и завершала здание жилая комната — спальня. Интересно, что дверные проемы не были расположены по одной оси, что способствовало лучшей теплоизоляции помещений. Этот дом занимал площадь 70 м², имел четкую планировку, элементы благоустройства. Здесь была найдена терракотовая плита с изображением змеи и отверстиями для подвешивания, видимо, это деталь декора дома. Очевидно, хозяин дома был более зажиточным, чем обитатели других домов селения. А подобная планировка сельских домов из

трех комнат с разными функциями сохранялась вплоть до XVIII—XIX вв. Можно считать, что 3—4-комнатные дома разной планировки были характерны для сельских поселений Кашкадарьи.

Киндыктепе можно отнести к типу неукрепленных сельских поселений.

На расположенном рядом поселении Пахалтепе при сельскохозяйственных работах была сделана удивительная находка. Ее принес нам завуч местной школы. Это терракотовая фигурка женщины-музыканта. Головка отбита, но сохранилась нижняя часть лица — подбородок, выпуклые губы. На шее ожерелье из двух рядов крупных бусин. В руках женщина держит музыкальный инструмент типа лютни. Хорошо видны три струны, вытянутый, как бы перехваченный посередине корпус инструмента. Специалисты считают, что инструмент типа лютни впервые появился в Средней Азии, затем был воспринят арабами и лишь позднее распространился в Европе и на Дальнем Востоке.

Фигурка может быть датирована V—VI вв. Выше мы уже писали о находке свирели — музыкального инструмента X в. Находка фигурки свидетельствует, что и в гораздо более ранний период в долине Кашкадарьи были распространены разнообразные музыкальные инструменты, а игравшие на них музыканты, возможно, не только исполняли мелодии индивидуально, но и входили в состав ансамблей.

Находки музыкальных инструментов и изображений музыкантов добавляют новые штрихи к нашим представлениям о духовной жизни средневекового общества.

Кстати, поселение Пахалтепе обживалось, так же, как и Киндыктепе, и в X—XII вв., а вот в XIII в., очевидно, после монгольского нашествия оба поселения забрасываются, а позднее жизнь переходит на ту территорию, где ныне находится селение Тезоб. Здесь сохранились до наших дней два архитектурных памятника

XV—XVI вв. — мечеть и ханака. На этих землях обитал монгольский род барласов, а в соседнем селении Ильгор, согласно преданию, родился Тимур.

Сельских поселений, конечно, было намного больше, чем городов. Многие из них зафиксированы при создании археологической карты, многие безвозвратно утеряны, ибо, занимая меньшую площадь, будучи более сглаженными по рельефу, чем остатки городов, они гораздо чаще подвергаются распашке или уничтожению при строительстве. Планомерные раскопки таких поселений — одна из задач, стоящих перед археологами. Нам уже известны их размеры, общие принципы планировки, основные типы, структура жилых ячеек. За исключением замков феодалов, здесь нет, как правило, монументальных построек, декоративное убранство домов или отсутствует или незначительно, но предметы быта (керамика, стеклянные сосуды) близки тем, что употреблялись в городах.

РУСТАКИ КЕША

Средневековые города располагались обычно у дорог или вдоль торговых путей.

Читателям, привыкшим пользоваться современным транспортом, небезынтересны будут данные, которые приводятся средневековыми авторами. Так, путь из Бухары в Несеф проезжали в четыре дня, путь между Несефом и Кешем преодолевали за три дня, от Кеша до Самарканда за два дня. Считалось, что из Кеша в Самарканд можно было попасть двумя путями. Один из них шел через горный перевал, тот самый, на котором во время арабского завоевания произошло одно из кровопролитных сражений между арабами и тюрками.

Чтобы добраться из Бухары в Келиф через находившийся в низовьях Кашкадарья город Безду и переправу через Амударью требовалось девять дней. Через четыре дня пути от Кеша достигали так называемых Железных ворот (именно через это ущелье ныне проходит автомобильная трасса) и еще через три дня попадали в Термез. Пути эти то шли по равнине, то преодолевали горные перевалы, то проходили по пустынной безводной местности, но были хорошо знакомы жителям, особенно тем, кто занимался торговлей.

Многие города и селения, о которых рассказано в этой книге, размещались на территории древней области Кеш. Очевидно, с административным ее членением связано упоминаемое рядом средневековых авторов деление области на районы. Так Ибн-Хаукаль перечисляет 16 районов Кешской области: Миян-Кеш, Руд, Баландеран, Расмаин, Кешк, Ару, Бузмаджан, Сиям, Арган, Джаджруд, Хузар-руд, Хузар, Суруда, Санггардак внутренний, Санггардак внешний, Маймург. Такие районы в древности называли рустаками.

Определение былого размещения этих районов — одна из интересных задач, стоящих перед исследователями. Задача интересная, но нелегкая. Еще Василий Владимирович Бартольд обратил внимание на то, что ряд названий связан с реками. Так, например, слово «руд» вообще означает «река», проток Джаджруд, протекающий близ Кеша, неоднократно упоминается в источниках, Хузар-руд — такое название, очевидно, носила в древности Гузардарья или Катта-Урадарья. Название Суруда носила область по реке Асруд. Название реки Санггардак существует и до сих пор. Она начинается в юго-западных отрогах Гиссарского хребта и затем течет в пределах Сурхандарьинской области. Очевидно, к Кешу относились районы, лежащие в верховьях этой реки. Со словом «Кешк», вероятно, связано название главной реки оазиса — Кашкадарья. В . В. Бар-

тольд считал, что название Миян-Кеш носил район, связанный со столицей области городом Кешем. Таким образом, пока мы имеем лишь самое общее представление о размещении указанных районов.

Сейчас мы пробуем идти по другому пути. Мы пытаемся определить примерные границы отдельных земледельческих оазисов по наибольшей концентрации в них средневековых поселений. По полученным на сегодняшний день данным, каждый такой оазис занимал площадь примерно 20—30 км². А центрами таких оазисов и были описанные выше города — Кеш, Субах, Искифагн, Наукад-Курейш, упомянутые в письменных источниках, и города, выявленные археологически — Алтынтепе, Камайтепе, Гышатепе, Чимкургантепе, Гурджаб, Сарыктепе, Чандарактепе и др.

Еще не закончено составление археологической карты, на которую наносятся все новые древние поселения, уточняется характер их размещения. Исследования будут продолжены и в будущем, очевидно, появится возможность сопоставить установленные археологами районы с районами, перечисленными средневековыми географами. В ходе раскопок должно уточниться и представление о городах — «районных центрах». Интересно будет установить зависимость их плана, размеров от природно-климатических условий, ландшафта местности, численности населения, характера выполняемых ими функций. Мы уже говорили, что такие города выполняли ремесленные, торговые функции, функции религиозных центров (в них, как правило, были соборные мечети), но вот характер политико-административных функций пока не совсем ясен. Все еще мало мы знаем о внутренней структуре таких городов, социальных прослойках населения в них, чертах сходства и различия культуры городских и сельских поселений. Выяснение всех этих вопросов — задачи будущих этапов археологического изучения долины Кашкадарьи.

Мы отметили некоторые задачи будущих исследований. Но и сделано уже немало. Благодаря проведенным археологическим работам каждый этап исторического развития Кашкадарьинского оазиса наполняется конкретным содержанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологию определяют как науку, изучающую развитие человеческого общества и закономерности этого развития преимущественно по вещественным историческим источникам, а образно называют историей, вооруженной лопатой.

Все то, что открыто археологическими работами в долине Кашкадарьи, является вкладом в ее историю.

Что же, подводя итоги, следует отметить прежде всего? Это само открытие древних городов, о существовании которых еще совсем недавно вообще и не подозревали. Это установление размеров этих городов, их общей планировочной структуры, динамики развития на протяжении раннего и развитого средневековья. Это попытки определить количество поселений, тяготевших к каждому городу, и установить районы их концентрации — земледельческие оазисы. Уже ясно в общих чертах, на чем базировалось в VIII—XII вв. развитие экономики области. В основе экономического развития лежало сельскохозяйственное производство, животноводство и занятия горными промыслами. Свою лепту в экономику вносили города, в которых развивались различные виды ремесленного производства (кирпичеобжигательное, гончарное, стеклоделательное, металлообрабатывающее, ткачество, ювелирное и др.).

Очень важно установление в результате раскопч-

ных работ (и это сделано за последние годы впервые для Кашкадарьи) этапов, на которые делилось развитие культуры периода развитого средневековья с присущими им характерными чертами и закономерностями изменений от этапа к этапу. Определены особенности архитектурных приемов, конструкций, планировки зданий и строительных материалов, применявшихся на каждом этапе. Установлены присущие этим этапам комплексы керамики, характерный набор глиняной посуды. Во всяком случае мы уже умеем определять ее особенности в пределах каждого столетия и отличить, например, керамику IX в. от посуды, употреблявшейся в X столетии. И когда черепок, фрагмент сосуда будет найден не в слое, а на поверхности, или в качестве случайной находки, мы уже с достаточной точностью сможем установить его датировку. Если для некоторых районов Средней Азии такая периодизация керамики была установлена ранее, то для Кашкадарьи с ее особенностями развития керамического производства, это сделано лишь недавно. Выявляются особенности местной школы резьбы по глине и ганчу, употреблявшейся для декоративного оформления зданий. Проясняются черты благоустройства городов.

Все новые детали добавляются к представлениям о характере занятий и быта горожан. В этом отношении важно все, что удастся выявить в процессе раскопок жилых домов: отопительные устройства, очаги, тандыры, найденные в домах орудия труда, предметы быта, украшения. Наиболее интересные в этом плане находки описаны в книге. Даже характер музыкальной культуры общества помогают определить археологические находки.

Очень сложно всегда определение идеологии общества столь отдаленных от нас эпох, тем более, что в письменных источниках сведений об этом практически не имеется. Судя по всему, в долине Кашкадарьи в

IX—XII вв. распространяется религия ислама. Свидетельством тому — мечети, кладбища с захоронениями по мусульманскому обряду. И все же здесь, по-видимому, были сильны отголоски домусульманских верований. Об этом свидетельствует особое внимание к украшению очагов, в том числе особых очагов, явно не предназначенных для бытовых целей, изготовление миниатюрных очажков, куда вставлялись светильники — чираги, что может быть связано не только с культом огня, но и с культом предков, появление на посуде символов огня и солнца, применение курильниц на трех высоких ножках, традиция изготовления и культового использования которых восходит к древности. Особенно интересна группа посуды, на стенки которой красной краской наносились изображения солнца, деревьев, плодов, птиц. Мы предполагаем, что эта группа керамики изготовлялась к празднованию Навруза, а изображения на ней связывались с ожидаемым в новом году плодородием, изобилием, к чему так стремился, но что далеко не всегда получал и поселянин, и житель города.

Так шаг за шагом археологи пытаются получить как можно более полное представление о городах долины Кашкадарьи периода развитого средневековья.

Многие средневековые города и поселения, о которых мы рассказали, непосредственно связаны с историей ряда современных городов и селений. Мы уже говорили в этом плане о Чандарактепе, Киндыктепе, история районного центра — города Чиракчи начиналась на Кишмиштепе. История селения Чим связана с Камайтепе.

Много рассказывали нам старики и о недавнем прошлом кишлака Карабаг, близ которого находятся развалины Алтынтепе. В XIX — начале XX в. он был одним из крупных центров торговли в долине Кашкадарьи, куда по определенным дням съезжались не только жители других городов и селений, но и купцы из других

стран. Думается, что история этого интересного кишлака еще привлечет внимание этнографов. То обстоятельство, что до XX в. Карабаг продолжал оставаться крупным торговым пунктом, обусловлено исторически. Как сказано выше, Алтынтепе было несомненно одним из остановочных пунктов на торговом пути из Несефа (Каршинский оазис) в Кеш (Шахрисабз). Вехами на этом пути являлись крупные поселения и города с существовавшими на них в древности караван-сараями, постоянными дворами.

Современный Карабаг — крупное селение с рядами вытянутых вдоль улиц домов-коттеджей. А директор совхоза «Карабаг», на землях которого расположено селение, рассказывал нам о своей мечте создать музей, в котором была бы отражена история селения от древности до наших дней. Это ли не примета нашего времени, когда народ с уважением и гордостью относится к памятникам своей истории.

На наших раскопах часто бывают «неорганизованные экскурсии», жители окрестных кишлаков и прежде всего, конечно, школьники. Хочу рассказать один эпизод. На одном из раскопов, как только оканчивались занятия в школе, появлялся мальчонка, который часами просиживал на краю раскопа и следил за процессом работ. В один из дней он предложил нашим студентам пойти с ним и привел их на берег канала к небольшой яме-провалу, с одной стороны которой была видна кирпичная кладка. Очевидно, земля осела здесь после дождей, ибо, обходя много раз этот участок, мы эту яму не видели и, если бы не наш проводник, могли бы о ней так и не узнать. Решено было провести расчистку и был вскрыт средневековый колодец, стенки которого были аккуратно обложены жженым кирпичом. Мало того, в X в. заброшенный колодец использовали как мусорную яму, и мы извлекли из него замечательный комплекс керамики с разнообразной резной орнамен-

тацией, здесь же был найден и небольшой сосудик-копилка. Выше мы рассказали о переданной нам находке фигурки музыканта. Несколько лет назад нам передали найденное на развалинах поселения на берегу Чимкурганского водохранилища уникальное изображение — глиняную головку идола, которая внутри была заполнена бусинами. Можно привести другие примеры. Таких добровольных помощников и среди школьников, и среди взрослых у нас много. Любовь к родному краю, заинтересованность в его изучении приводят их к археологам. При их помощи открыт ряд памятников. Много ценных сведений получили мы от населения и уверены, что эти контакты будут продолжаться. Такое содружество особенно важно сейчас, когда идет массовое строительство, в зону которого попадают часто и памятники археологии. Обязанность каждого сообщить о разрушении памятника, сберечь сделанные случайно находки.

Раскопки и изучение памятников оазиса будут продолжены. Однако уже сейчас ясно, что проведенные археологические исследования добавляют новые штрихи к истории Кашкадарьинской области Узбекистана. Веками складывались здесь традиции архитектурного строительства, народного творчества — свидетельством тому и памятники архитектуры и искусства, открытые археологами, и местное производство высококачественной, очень разнообразной и своеобразной керамики. Важна и выявленная последовательность культурных напластований.

Еще недавно считалось, что в Кашкадарьинском оазисе IX—XII вв. было очень мало городов, что городская жизнь вообще была здесь не развита. Сейчас ясно, что это не так. Большинство городов имели не очень большие размеры, но выполняли разнообразные функции, являясь, в частности, административными центрами земледельческих оазисов. Выделялось и несколько круп-

ных городов, в частности столицы двух историко-культурных областей — Кеша и Несефа. Продолжение изучения городов Кашкадарьинского оазиса чрезвычайно перспективно.

Мы рассказали лишь об одной группе памятников, изучаемых в Кашкадарьинской области, но работы, которые развернулись тут за последние годы, привели и приведут к открытию многих памятников разных периодов. Изучение их в совокупности и позволяет наполнить конкретным содержанием историю долины Кашкадарьи, ее памятников. Много сделано археологами, но еще больше сделать предстоит. Ясны контуры истории и культуры от глубокой древности до наших дней, предстоит выявить их подробности, глубинное содержание, развитие во времени.

Упорным трудом советского человека осваиваются новые районы Кашкадарьинской области, возводятся крупнейшие оросительные системы. Размах ведущегося здесь строительства поистине грандиозен. Советские люди устремлены в будущее, но они всегда помнят свою историю и бережно охраняют ее свидетельства — исторические и археологические памятники.

СОДЕРЖАНИЕ

Долина Кашкадарьи	5
Поиски Наукад-Курейша	8
Искусные мастера	13
Узоры на стенах	18
Рассказывают находки	23
Этапы истории	31
Древние города	38
О сельских поселениях	46
Рустаки кеша	52
Заключение	55

Научно-популярное издание

Светлана Борисовна Лунина

ДРЕВНИЕ ГОРОДА В ДОЛИНЕ КАШКАДАРЬИ

Редактор *И. Богодарова*
Художник *Г. Г. Жирнов*
Худож. редактор *А. Дехканходжаев*
Техн. редактор *Т. Харитоновна*
Корректор *Б. Велибекова*

ИБ 4725

Сдано в набор 10.03.88. Подписано в печать 7.12.88. Р. 01632. Формат 70x108^{1/32}
Бумага мелованная. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 2,8. Уч-изд. л. 2,7.
Тираж 3000. Заказ № 925. Цена 20 коп.

Издательство «Узбекистан». 700129, Ташкент, Навои, 30. Договор 383—87
Типография № 3 Ташкентского полиграфического производственного объеди-
нения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 700194, Ташкент, м. Юнусабад, ул. Мура-
дова, 1.

Терракотовая головка
дриады

